

“За что?” – повторяют наши люди. А спрашивать надо: “Почему?”

На свете есть два народа, у которых страдание возведено в культ: евреи и украинцы. У первых есть Стена Плача. Вторые плачут без всякой стены и так. По любому поводу. С библейских времён евреи были убеждены, что Бог, любя свой “избранный” народ паче всех остальных, карает его за нарушение Божественного закона, торжественно врученного Моисею. Так сказать, из великой любви. Желая только добра. Украинцы, напротив, считают, что небеса невзлюбили их просто так. И карают ни за что. Из вредности.

Оба этих мироощущения абсолютно иррациональны. Мир знает множество успешных евреев. Некоторые даже считают, что все деньги принадлежат им и за всеми заговорами стоят тоже они. Лично я не разделяю этот предрассудок. Я видел богатых евреев, бедных и даже очень бедных. Умных, талантливых и абсолютно бездарных. Даже евреев-сумасшедших, с блаженной улыбкой перевозивших на тачках бумагу на полиграфической фабрике, куда раз в неделю мы, киевские школьники, ходили на УПК (учебно-производственный комбинат) получать “рабочую” профессию.

Не меньше знает история и одарённых самореализовавшихся украинцев, имена которых известны на весь мир. Непревзойдённый Гоголь – мистик и юморист, овладевший русским языком лучше любого уроженца так называемой коренной России. Богдан Хмельницкий, рискнувший бросить вызов самой могущественной державе тогдашней Восточной Европы – Речи Посполитой – и победивший её. Великий режиссёр Сергей Бондарчук, снявший лучший фильм всех времён о Наполеоне – “Ватерлоо”. Непобедимый фельдмаршал Паскевич, одержавший победы над Персией, Турцией и Польшей. Плеяда блистательных советских маршалов, вышедших из Украины, – Малиновский, Рыбалко, Черняховский, Гречко. Прекрасные актёры – Гринько, Ступка, Брондуков...

И, тем не менее, выражения “еврейская тоска в глазах” и “тужлива українська пісня” говорят сами за себя. Повторяю, оба народа любят пострадать. Есть в их психологии что-то неистребимо мазохистское. Недаром Оущенко копировал культ Голодомора с культа Холокоста. И то, и другое, естественно, имело реальные причины. Я специально расспрашивал у своей бабушки, родившейся в 1920 году, о голоде 33-го. Голодали страшно. Один из их соседей убил мальчика, выкапывавшего в его огороде клубни недавно посаженного картофеля, а тело прикопал на меже. Другой сосед раскапывал могилы на кладбище и снимал с покойниц, похороненных в хорошие времена, золотые и серебряные украшения. Все село это знало и говорило ему:

“А як же Бог?” Тот отвечал с иронией: “Бог-то Бог, а сам не будь плох!” Прапрабабка по мужской линии умерла в нашей семье именно в 33-м.

Но возводить всё это в культ? И отмывать деньги на памятниках умершим в то время, когда сегодня население Украины сокращается ударными темпами и без всякой войны с 1992 года лишилось 6 миллионов человек?! По-моему, это чудовищно. Поверьте, я физически не мог выносить Ющенко с его танцами на костях. Концентрироваться на страданиях — это притягивать их к себе снова.

Все народы в той или иной степени страдали. Франция вытащила на своей крови Первую мировую войну. В процентном отношении она понесла тогда самые высокие потери. Больше России, Германии, Италии, Австро-Венгрии. Демографические потери её были так высоки, что на Вторую мировую французского “элана” (боевого пыла) уже просто не хватило. Достаточно немцам было обойти в 1940 году линию Мажино, и вся французская армия бросилась наутёк.

Но вы не встретите в истории Франции болезненной заикленности на этих утратах. Французский военный музей в Париже буквально набит памятью о победах. Там даже Наполеона, не раз битого русскими, англичанами и немцами, всё равно воспринимают как непревзойдённого полководца! Забудь неудачи, помни только о хорошем — первое правило сохранения здоровой психики. Для плача достаточно носового платка. Стена заставит вас изойти на одни слёзы. Лучше плакать украдкой. Чтобы никто не видел. Недаром говорят: Москва слезам не верит.

Будучи до недавнего времени преимущественно крестьянской страной, Украина никогда не задумывалась об отдалённом будущем. Крестьянин живёт годичным циклом: вспахал, посеял, собрал урожай, расслабился зимой. И так до бесконечности. Тучная украинская земля могла прокормить всех без излишних усилий. Иностранцы, посещавшие страну в XVII веке, не замечали особого трудолюбия у “народа казаков”. Украина так плодородна, писали они, что множество фруктов и осыпавшегося зерна просто пропадает в садах и полях. Реки кишели рыбой. Леса — зверьём. Интенсивное развитие просто не требовалось в этих условиях земного рая.

Выживать в одиночку. Сильная черта украинца — его индивидуализм. Если присмотреться к нашему крестьянину, он умеет всё. Или почти всё. Наши заробитчане, строящие дома в Европе и России, преимущественно такие же крестьяне. Их жены дома занимаются хозяйством, а мужа добывают живые деньги на заработках. Кризисное время снова вызвало эти способности у среднего украинца. Когда колхозы развалили, а фермы растащили по кирпичу, работы просто не осталось.

В этом смысле украинский крестьянин, несомненно, сильнее потомка чернокожего плантационного раба из США — у того никогда не было своего хозяйства. Он работал на плантации латифундиста, выполнял простейшие операции — например, собирал хлопок — и ни о чём не думал. Недавнее банкротство Детройта — города, заселённого потомками негров-рабов, блестящее тому свидетельство. Чернокожие рабочие выполняли простейшие операции на автосборочном конвейере точно так же, как их дедушки собирали хлопок на плантациях. Закрутить гайку, подсоединить проводок, прикрутить зеркало, получить зарплату в конце недели. И никаких мыслей о будущем, кроме танцев и пьянки на выходных.

Когда крупные компании из-за засилья профсоюзов вынесли автомобильные заводы из Детройта сначала в Мексику, а потом в Европу и Азию, Детройт умер. Подсоединение проводка заменила доза героина. И никто не перестроился! Такова сила косности, передающаяся по наследству из поколения в поколение.

Наши, если не считать тех, кто просто спился и умер после закрытия предприятий и исчезновения государственного контроля за поведением граждан, предпочитают выкручиваться любыми способами. Но в одиночку. Или мелкими группами. И обычно никогда не думая о том, что будет дальше, чем через год. Отсюда — слабая коллективная память. Одному и тому же красноречивому проходимцу будут верить из года в год просто за его обещания. Чем слаще говорит, тем лучше. Всё, что не получается, всегда можно сбросить на козны врагов. А жить не реалистичными планами, а иллюзиями. Объявим независимость, и всё наладится. Протащим Ющенко на майдане — и всем будет счастье. Вступим в Евросоюз — и станем богатыми и культурными

пропейцами, а моча в подворотнях Львова и Киева испарится сама собой. Чудом! Не успев долететь до земли из переполненного пивом живота.

Горе от избытка “поэтов”. “Пересічний” украинец, о котором так много говорят, — существо глубоко эмоциональное. Эмоции в нём перевешивают рас­судок. Иллюзии — чёткость зрения. О чём, к примеру, говорит обилие поэтов и кобзарей в украинской истории? О повышенной эмоциональности народа.

Но поэты — люди не конструктивные. Даже самые выдающиеся. Гениаль­ный Франсуа Вийон сгинул без следа в молодом возрасте. Пушкин и Лермон­тов буквально нарвались на пули. Шевченко сам убил себя водкой и триппе­ром, который тогда лечили ртутью. Это самоубийственная профессия. Если народная поэзия слышком богата, значит, нация обладает повышенным про­центом неуравновешенных импульсивных индивидуумов.

В Украине поэтов всегда было в избытке. Зато не хватало инженеров и менеджеров. Не “манагеров”, как их сегодня презрительно называют, а именно МЕНЕДЖЕРОВ — то есть организаторов производства, толковых уп­равленцев. Для крестьянина-индивидуалиста никакие менеджеры были не нужны. Он сам был себе на хуторе директором. Но время маленьких хозяйств на клочках земли стало кончатся уже в начале прошлого века. Крестьяне-единоличники проигрывали крупным помещичьим хозяйствам, построенным на научной основе (с агрономами, зоотехниками, машинами и правильным севооборотом). Крестьянин думал, что все его проблемы в нехватке земли. Но когда после революции землю поделили, зерна больше не стало — его про­изводство, наоборот, уменьшилось по сравнению с 1913 годом — последним период катастрофой Первой мировой войны.

Советские колхозы (фактически возвращение к государственным “помес­тям”) были попыткой выйти из этого кризиса. То, что от них отказались после Перестройки, — трагедия, а не прогресс. Достаточно посмотреть на современ­ное вымершее украинское село, куда бригады трактористов приезжают весной из города пахать, а комбайнёров — летом убирать. В этом одна из причин сни­жения рождаемости в стране. А если нет рождаемости, не будет и потребите­ля. Некому станет даже памперс продавать! Экономика может развиваться только за счёт людей, производящих и потребляющих товары. Как она может расти, если люди умирают или эмигрируют из страны?

Показателем силы нации всегда была армия. На данный момент она на­считывает в Украине меньше 200 тысяч человек. Боевой состав не дотягивает даже до 100 тысяч. Всё остальное — это военкоматы, училища и оркестры. Есть жуткая статистика. В бюджете 2010 года — его заложили ещё при Ющен­ко — на содержание военных оркестров и ансамблей песни и пляски выделя­лось денег больше, чем на боевую подготовку! Это был, так сказать, симво­лический финал майданной эпохи.

Сегодня эта диспропорция изменилась в обратном направлении. Но новые виды техники не разрабатывают или не покупают. В передовых армиях основ­ным видом боя становится ночной. Американцы оснастили свои войска прице­лами ночного видения и тепловизорами. То же самое сейчас делает и Россия. А для украинца престижным стало не служить. “Нащо нам та армія, — сказав мне на днях один молодой человек. — Зараз армії нічого не вирішують”.

Тогда почему же американцы несут “демократию” в Ирак и Афганистан именно военными методами, а энергетическую независимость для своей страны добывают с помощью завоевательного похода на Ближний Восток? Почему Фран­ция упорно содержит свой авианосец, который позволил ей свергнуть прави­тельство в Ливии? Почему в израильской армии служат даже девушки? Потому что армия — это кулаки и мышцы нации. Без них здоровое тело невозможно.

Если бы наше правительство нашло в себе силы достроить тот же крейсер “Украина”, это обеспечило бы работой множество людей, показало способ­ность государства содержать хотя бы один крупный корабль и позволило вме­сто “эскадры разнородных кораблей” создать хоть одно действительно боеспо­собное, а не декоративное соединение под украинским флагом. Ведь даже возвращение в строй устаревшей подводной лодки “Запорожье” позволило не угаснуть навыкам подводного плавания на Украине.

Чуда не будет. В мире нельзя выжить без друзей. Исторически так по­лучилось, что Украина вызрела в составе России и Советского Союза. Побе­ды Румянцева и Суворова дали возможность освоить Дикое Поле — нынешние Одесскую, Херсонскую, Николаевскую, Донецкую и Луганскую области. Нужно

уметь быть благодарными. Это Империя присоединила к Украине Закарпатье, Галичину, Крым, Новороссию. Ничего этого у Украины не было во времена Богдана Хмельницкого! Это Империя построила тут мощнейший промышленный потенциал, который пилили и разбазаривали на протяжении 22 лет независимости. Южмаш в Днепропетровске, судостроительные заводы в Николаеве, авиационный завод в Киеве, огромное количество НИИ, разрабатывавших до 1991 года передовые технологии, — наследие именно советского и российского имперского прошлого. Всё это не нужно Западу — у них такое своё есть. Оживить эти производства можно только в теснейшем союзе с Россией. А производства — это рабочие места и семьи, в которых рождаются дети. Никакие ассоциации с Евросоюзом не принесут нам счастья. Там всё поделено. Там богатый север в виде Германии и Франции эксплуатирует бедный юг, указывая, что кому сеять и в каких количествах.

История показывает, что украинец процветал только, когда находил общий язык с Москвой и чувствовал себя частью общего русского мира. Никаких других дорог к процветанию у Украины нет. Двадцать два года “многовекторности” и “евроинтеграции” это прекрасно доказали. Если кому-то нужно ещё десять или двадцать лет биться головой об дерево, чтобы убедиться в этой элементарной истине, пусть бьётся. Но поправить карму Украины можно, только вернувшись в Русь.

КАК ЛАЗАРЬ МОИСЕВИЧ С ИЗРАИЛЕМ ЮДЕЛЕВИЧЕМ УКРАИНУ УКРАИНИЗИРОВАЛИ

У нас обожают говорить о “русификации”, насаждавшейся царской Россией и СССР. Но очень не любят вспоминать о насильственной украинизации 20-х годов, проведённой советской властью. Историки хорошо знают о ней всё. Но на официальном уровне в нашей “свободной” стране их не слышат.

Специально возьму для примера очень известную книгу “Украина: история” канадского профессора Ореста Субтельного. В начале 90-х она была бестселлером. Выдержала несколько изданий огромными тиражами. Так что найти её и проверить мои слова — проще простого. Достаточно заглянуть в любую библиотеку или на книжный рынок “Петровка”.

“У 1923 р. на XII з’їзді партії, — пишет Субтельный, — її керівництво покляло початок політиці коренізації. Воно закликало спільними зусиллями добитися, щоб у партію та державний апарат йшли не росіяни, щоб службовці вивчали і користувалися місцевими мовами, щоб держава підтримувала культурний і соціальний розвиток інших народів. Український різновид цієї політики називався українізацією.

Перш ніж братися за українізацію, належало провести зміни в партійному керівництві України. Це керівництво переважно складалося з присланих із Москви радянських урядовців чи місцевих євреїв. В основній масі вони не виявляли великого розуміння необхідності українізації й ще менше були схильні втілювати її”.

Субтельный не особенно распространяется о причинах такого непонимания в украинских партийных кругах. Но оно заключалось в следующем. До революции украинцы считались частью единого русского народа, состоявшего официально из трёх ветвей: великорусской, малорусской и белорусской. Жители городов разговаривали на русском языке. И даже крестьяне предпочитали читать написанные по-русски книги.

Революция показала, что подавляющая масса населения Украины не поддержала курс Центральной Рады на отделение. Большинство украинцев сражались или в красной, или в белой армиях, или у батьки Махно и других атаманов. На Грушевского, а потом Петлюру ориентировалось меньшинство.

Победив в гражданской войне, красные создали Украинскую социалистическую советскую республику, включив в неё, кроме традиционных “малороссийских” областей (бывшей Гетманщины Богдана Хмельницкого), ещё и три новороссийские губернии — Таврическую, Екатеринославскую и Херсонскую, отвоёванные в XVIII веке у татар Екатериной II, а также Донбасс, относившийся до этого времени к Области Войска Донского.

Сделано это было, чтобы наказать донских казаков, поддержавших в гражданской войне белых, и разбавить крестьянскую массу украинского народа

бачим класом востока и юга. Но разговоривал это рабочий класс, естественно, по-русски. На это справедливо указывали московскому руководству некоторые местные коммунисты, например, видный деятель компартии Дмитрий Лебедь, который говорил, что русская культура связана в Украине с прогрессивным пролетариатом и городом, а украинская — с отсталым крестьянством.

“...ряд інших визначних партійних чиновників-неукраїнців відкликали, — продовжує Субтельний. — На їхні посади призначили таких лояльних і дисциплінованих представників Москви, як Лазар Каганович (український єврей, котрий очолив партапарат України й був готовий проводити лінію партії на українізацію), або українців, які щиро зичили успіху українізації”.

Сегодня у Лазаря Моисеевича в Украине плохая репутация. Ультранационалисты регулярно называют его “катом украинского народу”. А ведь какая несправедливость! Именно этот “кат” и взялся со всей свойственной ему энергией за воплощение в жизнь политики украинизации — то есть переучивания горожан, независимо от их происхождения, на украинский язык села.

Дело это было в высшей степени непростое. Ведь никакого выработанного литературного языка, понятного большинству “украинцев”, которых срочно в массовом порядке создавали по приказу из Москвы, не существовало! Помните, как тужил по этому поводу Евгений Чикаленко?

Но то, что приводило в ступор просвещённого украинца Чикаленко, совершенно не смущало еврея Кагановича. Если эти так называемые украинцы не желают говорить на этом никому не понятном, новоизобретённом украинском языке, мы их заставим! Заставим со всей большевистской энергией и энтузиазмом! И горе тем, кто нам не подчинится, — партия ему покажет кузькину мать!

Кагановичу деятельно помогал бывший комиссар юстиции Николай Скрыпник, переквалифицировавшийся в наркома просвещения. В 1923 году партийным и государственным чиновникам приказали пройти спецкурс украинского языка. Через два года его ввели в государственную переписку. А в 1927-м Каганович постановил, что всё партийное делопроизводство будет вестись только по-украински.

Скрыпник добился того, что более чем в 80% общеобразовательных школ преподавали на украинском языке. Пик украинизации совпал, как ни странно, с голодомором 33-го года, когда кулачество стали уничтожать как класс. Именно в этом году из 426 газет республики 373 выходили на украинском языке. А если мы посмотрим на снимки этого периода, то обнаружим, что все лозунги, призывающие уничтожать кулаков, написаны на украинском языке.

В городах, где традиционно разговаривали по-русски, а также в Новороссии, в которой разговорным исконно был только русский язык, политику Кагановича и Скрыпника воспринимали когда с иронией, а когда и с откровенным раздражением. Профессор Толстой из Одессы даже высказался с полной откровенностью: “Я считаю всех товарищей, которые перешли на чтение лекций на украинском языке, ренегатами”.

Постепенно и в Москве начали понимать, что перегнули палку, заставив украинизироваться, словно стричься под горшок. Официально считается, что с середины 30-х курс на украинизацию стали сворачивать. На самом деле это не так. Его просто смягчили, добавив в школы вторым языком русский. Но большинство книг, газет, а в 50–70-е годы и телепередач продолжали выпускать только на украинском языке.

Сложилась удивительная ситуация. Народ хотел читать по-русски, а Спілка письменників впаривала ему свою продукцию на украинском по принципу “лопай, что дают”. Партия и правительство поддерживали эту политику. Хорошо помню, как в середине 80-х я ходил в литстудию при Киевском доме учёных. Почти все участники её — городские молодые люди — писали по-русски. Но публиковаться было нигде! В УССР выходил только один русскоязычный литературный журнал — “Радуга”. Самовольные члены Союза писателей, иногда заглядывавшие к нам, важно надувались в ответ на наши претензии: “От напишите щось путне, тоді й опублікують!” Нас они не слышали — ведь их защищала советская государственная монополия.

У нас любят рассказывать о жестокости советского режима по отношению к сознательным украинцам в 20-е годы. На самом деле это не так. Разбив Петлюру, большевики сразу же стали переманивать бывших петлюровцев на свою сторону. В Украину из эмиграции приехал Юрко Тютюнник — бывший генерал УНР. На родине он занялся литературной деятельностью. Советское

государственное издательство в Харькове уже в 1924 году выпустило его мемуары “С поляками против Украины”.

Его судьбу повторили и многие другие известные по школьным хрестоматиям “письменники”. Например, популярный юморист Остап Вишня. При царском режиме он окончил военно-фельдшерскую школу в Киеве. Но медициной занимался недолго. Во время гражданской войны пописывал юморески для петлюровских газет, а потом занялся тем же в газетах советских. Между прочим, откликнулся в свойственном ему сатирическом стиле и на убийство Петлюры в Париже. Не сдержался! А мог бы! Ведь служил когда-то головному атаману!

Бывший офицер русской армии Петро Панченко оказался сначала в петлюровской артиллерии, а потом... в советском Союзе писателей Украины. Петлюровскую молодость он вспомнил в повести “Голубые эшелоны”, описав режим УНР как республику на колесах. А потом сочинял для детей – о хороших красных и плохих петлюровцах и белых. Как он так перестроился – уму непостижимо! Я б не смог!

Но самым знаменитым экс-петлюровцем на службе советской литературе был Владимир Сосюра. Совсем молодым мальчишкой он дослужился до бунчужного – по-нынешнему, сержанта. Потом вместе со своим командиром – атаманом Волохом – перешёл к красным. Как утверждал впоследствии, по убеждению. А дальше пошло-поехало: поэмы про Мазепу вперемежку с поэмами, восхваляющими советскую власть. От перенапряжения и внутренней раздвоенности чуть не сошёл с ума. Даже сидел в харьковской “дурке”. Несмотря ни на что, оставил очень талантливую книгу “Третья рота” – о своих приключениях в 1918–1920-м годах. Советую почитать – замечательно описано, как петлюровцы расстреливали пленных. Вышла книжка уже при независимости. В советские времена цензура не пропускала её из-за натуралистических сцен.

Служил в молодости у Петлюры и автор фильма “Щорс” – кинорежиссёр Довженко. Попал в плен к красным. Но те его не съели и не порезали его кожу на кобуры для наганов, а выучили на “кіномитця”. Выучился так славно, что в разгар голодомора снял классический фильм “Земля” – о сытых наглых кулаках, убивающих на селе коммунистов. В действительности всё было наоборот, но Довженко предпочитал этого не замечать: жить же надо было! Числился он и по Союзу писателей – как автор сценариев.

Всеми этими бывшими головорезами из петлюровских банд, неожиданно превратившимися в деятелей культуры, надо было кому-то руководить. В 1934 году образовали Союз писателей Украины. Его главой назначили Израиля Юделевича Кулика – уроженца города Шпола на Черкасчине. В независимой Украине ему не повезло из-за национального происхождения. Очень уж не любят вспоминать у нас, что первым председателем украинского Союза писателей был еврей. Тем не менее, это факт, против которого, как говорится, не попрёшь.

Большинство уроженцев Украины, до революции окончивших гимназию и занимавшихся литературой, бежали от политики украинизации в Москву. Так поступили Валентин Катаев, Ильф и Петров, Бабель, Булгаков, Нарбут. А согласившимся украинизироваться литераторами рулил из Харькова Кулик. Это было его “болото”.

Человек этот имел необычную биографию. Родившись в 1897 году, он поступил в Одесское художественное училище, а потом в 17 лет эмигрировал в США. Работал там на шахтах Пенсильвании и пописывал на русском языке в социал-демократическую газету “Новый мир”. Узнав о революции, бросился в Россию и уже в октябре 1917-го руководил в Киеве ревкомом. А в декабре того же года стал самым молодым членом Советского правительства Украины – наркомом иностранных дел. В 20-е годы работал консулом в Канаде. И только потом наставлял на путь истинный писателей. Кончил плохо – расстрелян в 1937 году. Между прочим, как украинский националист. В книге “Писатели Украины – жертвы сталинских репрессий” цитируется его признание на следствии: “Я настільки зрісся з українськими націоналістами, що коли... запропонували мені – єврею – вступити до української націоналістичної контрреволюційної організації, я розцінив це як висунення мене на роль “рятувальника” українського народу”.

Жаль, что этот человек, так много сделавший для “украинизации”, теперь несправедливо забыт.